

Текст 26. Н. С. Лесков «Юдоль»

Тётя Полли и Гильдегарда взяли крошечный карманный фонарик с рефлектором (для осмотра горла), флакон с какой-то жидкостью и записную книжку и ушли.

Отец предлагал им провожатого, но они не взяли и сказали, что надо зайти подряд в каждую избу.

До вечера было сделано множество вещей: в риге было настлано двадцать семь постелей из сухой костры и на них уложили соответственное число больных людей, освободив крестьянские избы. При этой «эвакуации» насилий не было, но имели своё место энергия и настойчивость обеих женщин, которые сами при этом работали в поте лица и не пришли обедать до тёмного вечера.

Матюшка долго и напрасно ждала их и сердилась. Обед весь перестоялся и был испорчен. Отец стыдился покинуть тётю и англичанку одних с больными мужиками и бабами и тоже оставался в риге: он помогал им раскладывать больных и защищать их от сквозного ветра в импровизированном для них бараче.

Отец, тётя Полли и Гильдегарда пришли в дом, когда уже был вечер, и ели скоро и с аппетитом, а говорили мало. На лицах у обеих женщин как будто отпечаталось то выражение, какое они получили в ту минуту, когда тётя проговорила:

— Это ужасно: круглый голод — голод ума, сердца и души... И тогда уже — полный голод!

Ни тётя Полли, ни Гильдегарда не были теперь разговорчивы, даже отвечали сухо, как бы неохотно.

Мать им сказала:

— Извините за обед... Он весь перешёл — вы сами виноваты, что дотянули обед до звезды.

Гильдегарда её, кажется, не поняла; но тётя, разумеется, поняла, но небрежно ответила:

— До звезды!.. Ах да... и ты права: мы в самом деле очень любим звёзды... Их видеть так отрадно. Там ведь, без сомнения, живут другие существа, у которых, может быть, нет столько грубых нужд, как у нас, и потому они, должно быть, против нас лучше, чище, меньше самолюбивы и больше сострадательны и добры...

— Но ведь это фантазия, — заметила мама.

Тётя ей не отвечала.

— Притом мы все очень грешны — зачем нам мечтать так высоко! — молвила мать, конечно без всякого намёка для тёти.

Тётя её слышала и произнесла тихо:

— Надо подниматься.

— Да ведь как это сказать...

Матушка, кажется, побоялась сбиться с линии, а тётя ничего более не говорила: она озабоченно копошилась, ища что-то в своём дорожном бауле, а Гильдегарда в это время достала из тёмного кожаного футляра что-то такое, что я принял за ручную аптечку, и перешла с этим к окну, в которое смотрелось небо, усеянное звёздами.

Мама вышла. Тётя закрыла баул, подошла к столу, на котором горели две свечи, и обе их потушила, а потом подошла к англичанке и тихо её обняла. Они минуту стояли молча, и вдруг по комнате понеслись какие-то прекрасные и до сей поры никому из нас не знакомые звуки. То, что я принял за ручную аптечку, была концертина, в её тогдашней примитивной форме, но звуки её были полны и гармоничны, и под их аккомпанемент Гильдегарда и тётя запели тихую песнь — англичанка пела густым контральто, а тётя Полли высоким фальцетом.

Я был поражён тихой гармонией этих стройных звуков, так неожиданно наполнивших дом наш, а простой смысл дружественных слов песни пленил моё понимание. Я почувствовал необыкновенно полную радость оттого, что всякий человек сейчас же может вступить в настроение, для которого нет расторгающего значения времени и пространства.

О, какая это была минута! Я уткнулся лицом в спинку мягкого кресла и плакал впервые слезами неведомого мне до сей поры счастья, и это довело меня до такого возбуждения, что мне казалось, будто комната наполняется удивительным тихим светом и свет этот плывёт сюда прямо со звёзд, пролетает в окно, у которого поют две пожилые женщины, и затем озаряет внутри меня моё сердце, а в то же время все мы — и голодные мужики, и вся земля — несёмся куда-то навстречу мирам...

Этот вечер, который я вспоминаю теперь, когда голова моя значительно укрыта снегом житейской зимы, кажется, оказал влияние на всю мою жизнь.

Николай Семёнович Лесков — русский писатель, драматург, автор известных романов, повестей и рассказов.

